

С велосипедами мне не везло. Их у меня всё время пытались украсть. Езда в разных местах привлекала внимание людей, особенно пацанов. Если у них не получалось доставить неприятности моему двухколёсному другу, то тогда доставалось мне.

Первый аппарат мне подарили родители, когда мне было шесть лет. Жили мы в центре рабочей окраины большого города, где периодически вдыхали дым или побочный продукт переработки химической промышленности. Но это не омрачало мою жизнь, украшенную героическими походами с клюшкой в руках по закоулкам нашего большого двора. По его сараям, дровяникам и садам, которые были, в основном, в заброшенном виде и спускались в речке Говнянке.

Название такое она получила по причине того, что тот же химкомбинат периодически спускал отходы производства и в речку. Хотя, надо сказать, что яблоки и вишня в садах были отменные, несмотря на ужасный запах, шедший от воды, протекающей в десятке метров ниже по склону. Вот по этому склону я и прокатился в первый раз на своём «Ветерке». Был он небольшого размера, для самых маленьких ездун-дошкольников. Шины у него были из сплошной резины, без подкачивания, а педали крутились без торможения. Сначала у меня не получалось держать равновесие, затем при помощи дяди, младшего брата мамы, часто посещавшего нас по причине своей неженатой свободы, я учился кататься. Я быстро скатывался в низ двора, конечно, не поспевая за педалями и утыкаясь в старый и местами гнилой забор.

Радостимоей не было предела! Затем я научился подниматься по склону, уже вертя педалями, и тормозить рулём, когда сильно разогнался вниз. Конечно, падал, но было не больно. Земля гасила силу удара и не оставляла кровоточащих ссадин, в отличие от асфальта. Это райское покрытие было

уложено в соседнем дворе, через забор от нашего. Других мест для катания не было совсем, если не считать тротуара у оживлённой дороги. Туда я выезжал редко и только в присутствии родителей.

Мои вылазки в чужой двор можно назвать партизанскими. Я пытался быстро насладиться замечательной ездой, носясь с большой скоростью, понимая, что в любой момент могут появиться местные пацаны. Сначала они просили меня дать им покататься, а потом, передавая «Ветерок» другу, забывали о правилах гостеприимства.

В такие моменты я начинал реветь, а после тычков и оплеух ревел ещё громче. На шум выходили старшие и волевым образом передавали аппарат мне. И я, продолжая издавать хмыкающие звуки и заливая замечательный асфальт слезами, уходил восвояси. Зато накатавшись.

В последнее лето перед школой, осмелев и прокатившись по тротуару, я забежал в дом, чтобы пообедать, и оставил велосипед под большой бузиной, которая, как часовой, стояла в начале нашего двора и охмуряла своим сладковатым дурманом всех, кто входил к нам.

В принципе, дворовая территория считалась безопасной, поскольку ворота закрывались на защёлку, открыть которую можно было, только зная устройство. Я уже несколько раз, не боясь за сохранность «Ветерка», оставлял его внизу. Ещё не доев, но почувствовав какую-то смутную тревогу, я выглянул в большое окно коридора и увидел, как взрослые тётя и дядя медленно уводят мой велосипед. Они неторопливо зашли во двор, оглянулись, увидели его, взяли его за руль и так же, не суетясь, вывели его за ворота, аккуратно закрыв щеколду. Почему я не закричал, не позвал маму (отец был на работе), почему вообще не поднял тревогу? Не знаю. Наверное, меня смутило то, что они улыбались, а увидев меня, заулыбались ещё больше и даже помахали рукой. Я знал, что

взрослые могут быть плохими. Меня этому учили родители и бабушка, мать отца, жившая в частном доме и делившая людей на жуликов и не жуликов.

К тому времени в детском саду зимой у меня утащили санки. Но я не мог понять, почему эти люди действовали тихо, без шума и улыбались мне. Я подумал, что, может быть, мой велосипед им нужен просто так, что они скоро его вернут?!

Я подошёл к столу и, видимо, мой заторможенный вид насторожил маму, и она спросила, почему я такой. Слеза выкатилась из глаз, и я сказал, что какие-то дяденька и тётенька увели мой «Ветерок». Мама бросилась к окну, потом выбежала во двор и на улицу. Никого уже не было. Когда она пришла, я ревел в голос, так и не одолев обед. Потом с её помощью перебрался на кровать и заснул.

Вечером пришёл отец и выслушал мой рассказ за ужином. Он не дал разреваться мне снова и успокоил обещанием, которому я не поверил: «Ладно, сынок, не расстраивайся. Вот окончишь первый класс, и купим тебе настоящий велосипед!» Слишком заманчивой и неосуществимой показалась мне тогда эта мечта. Но, как ни странно, она действительно материализовалась ровно в тот срок, как и обещал отец. Велосипед «Салют», сияющий полировкой и пахнущий свеженькой зелёной краской, почти настоящий, в том смысле, что он был чуть меньше взрослого и всё-таки считался подростковым, был вручён за отличное окончание первого класса. О чём свидетельствовала красная грамота с золотыми буквами.

Моё катание поначалу не претерпело сильных изменений. Собственный двор был уже совсем мал, а соседский продолжал оставаться небезопасной зоной скрытых и быстрых перемещений. Правда, скорость моя возросла, и я стал чаще уходить от преследования также на год повзрослевших хулиганов. С другой стороны, у меня неожиданно появились союзники. Двум мальчишкам также приобрели «Салюты», и они превратились из преследователей в моих компаньонов. Мы устраивали соревнования, кто быстрее и шустрее преодолет закоулки двора. Хотя случалось, что велосипед всё-таки узурпировали парни, и я стоял, постепенно наливаясь слезами. Но, как я ни старался, плотина всё равно прорывалась, орошая моё лицо. Странно, но именно в этот момент мне становилось легче, и я смело тянул велосипед на себя. Но я уже не ревел и тем более не кричал. Расстроенный, мокрый от слёз и напряжения, я уходил с высоко поднятой головой.

Но ещё через год моя велосипедная судьба круто поменялась. Мы получили наконец-то в девятиэтажном доме благоустроенную квартиру с ванной, где можно было сколько угодно челопасться, и лоджией, откуда можно было запускать самолётики. Скорее всего мне пришлось бы теперь таскать велосипед на четвёртый этаж

Но тут из Сибири в нашу сторону переехали мои бабушка и дедушка – родители мамы. Они купили дом в пригороде, и мой «Салют» переехал туда, где зимовал в сарае, а потом без отдыха катал меня все летние каникулы. Всё было бы ничего. Но и здесь, в посёлке, обнаружились желающие покататься на чужих велосипедах.

Пока я рассекал по своей улице, точнее, по её части, где меня уже знали, всё было без происшествий. Но стоило удалиться в её дальнюю часть или выехать на смежные улицы, то здесь можно было ждать нападений. В лучшем случае меня просто выгоняли наглые и злые парни, а в худшем били в грудь и с удовольствием делали восьмёрки на колёсах. Я не понимал, почему это происходит? Чем я мешал своим проездом? Их злоба на чужаков казалась мне бессмысленной и жестокой.

Я перестал ездить в чужие края, сосредоточившись на своей улице и центре посёлка, который был одновременно и станционной площадью. Туда я подвозил на местный базарчик овощи и фрукты, которые продавала моя бабушка. Или же ездил в магазин за продуктами, в основном за хлебом. Его можно было быстро купить, а за другими продуктами надо было выстаивать очереди. Здесь-то меня и подкараулил белобрысый молодой мужик, твёрдо решивший велосипед у меня отнять. Он ничего не говорил, не кричал и не матерился. За него говорил наглый взгляд и красноречивые наколки на руках и волосатой груди, которую едва скрывала явно несвежего вида майка.

– Пошёл вон, - он схватил руль одной рукой, а другой больно толкнул меня в грудь.

Я не мог сопротивляться в полную силу, поскольку в одной руке держал буханку. Но моя правая рука вцепилась в раму. Это и спасло меня. Если бы я держал велосипед за руль, то скорее всего уголовнику (как я его прозвал) удалось бы вырвать велосипед, прокручивая руль. А он подумал, что дело сделано и стал закидывать ногу на седло. Но тут я предъявил свой последний не убиенный козырь.

– Помогите, помогите! Отдайте велосипед! - заорал я во всю мощь своих лёгких с такой слезой

в голосе, что тут же прибежали две привокзальные дворняжки и стали громко лаять.

Пара бодреньких старушек уже выходила из магазина. А одинокий старичок выбредал с площади в проулок, где стоял старенький хлебный магазинчик. Старушки стали сразу срамить и позорить похитителя.

– У-у-у-у, вражина, что же ты, уголовная рожа, обижаешь паренька! – заголосили они.

– Эй, парень, ты чаво, опять хочешь в санаторий? Ведь недавно оттудова вышел! – неожиданно громко пробасил дед.

Уголовник явно не ожидал такой общественной реакции, продолжая тянуть за руль, но хватка его явно ослабла. Я что есть сил дёрнул за раму обеими руками, засунув хлеб между ног. Попытка удалась. Три больших шага – и я впрыгнул в седло, пару раз крутанув вовсю педали. Быстрее меня мог быть только ветер от пронсящегося на всех парах курьерского поезда! Через три минуты бешеной езды я уже был дома. Я не успел вытереть слёзы, и поэтому пришлось всё рассказать родителям и предкам. Мама решительно заявила, что надо идти на станцию и найти мужика.

– И что ты с ним сделаешь? – спокойный голос отца прозвучал диссонансом на фоне причитаний мамы и бабули.

– В милицию сдам! – резко ответила мама.

– Ага, ты сначала найди её. Делать им больше нечего! – отец воткнул в пень топор, которым только что рубил дрова, и устало опустил на скамейку.

– Это он, змей. Ну да, с наколками. Вчера ко мне лез в магазин рано утром, стакан просил. А сёдни мне продавщица Нюрка сказала, что Петро откинулся, ну теперь шорох наведёт! – резюмировал уверенным голосом дедушка.

– Зачем таких лешаков выпускают? Пусть бы там и оставляли! – В тон ему воскликнула бабуля.

– Сегодня, Витя, на улицу ни ногой. И не реви, – подвела черту мама и ушла в дом.

Я всхлипнул, утёр нос, поставил велосипед к стене дома и ушёл в сад, чтобы там, в моём уголке, нареветься досыта.

С тех пор я стал кататься осторожнее и очень редко выезжал на станцию. Но мой «Салют» неожиданно стал востребованным моим дядькой. Его молодая жена ждала первенца, и неожиданно это произошло не в городе, а в посёлке. Роддом находился на приличном расстоянии от дома стариков, в сосновой роще, на другом краю поселения. И, конечно, лучшим средством передвижения оказался мой велосипед. Я не без ревности смотрел, как дядька ловко возил

передачи, здорово растрясывая мой велосипед на грунтовых дорогах и лесных тропинках. С другой стороны, я незаметно гордился тем, что мой аппарат понадобился для дела. И втайне надеялся, что когда-нибудь это вернётся другой скоростью и весёлой дорогой. И вернулось. Через некоторое время дядька приобрёл за рекой участок земли, построил дачку. А для удобства купил себе большой велосипед и после электрички рассекал до дачи на двухколёсном друге, который дожидался его у родителей. Естественно, мне было позволено прокатываться периодически, но осторожно и со вниманием. Дядька как-то раз хотел сказать мне ещё что-то напутственное и серьёзное, но передумал после слов бабушки:

– Чай, на его-то лисапеде без лишних разговоров ездил в больницу.

Однажды, когда дядька заночевал на своей даче, а я с родителями был в городе, произошёл случай, поставивший крест на моих велосипедных путешествиях. В ту ночь собака пролаяла до утра, добросовестно отработывая свой кусок хлеба, а в это время из сарая спокойно утаскивали мой «Салют». Дед с бабушкой рассказали нам, что побоялись выйти. Глядя на мои глаза, заполненные до краёв грустной жидкостью, они предложили компенсировать потерю новым велосипедом. Но я отказался и всё-таки удержался, чтобы не реветь. Кто знает, может быть, в этот момент и закончилось моё детство.

А через год та же участь постигла и велосипед дядьки. Тоже ночью и тоже надрывалась собака, и тоже старики побоялись выйти, а может, и не слышали... Дедушка и бабушка давно умерли, а всё их движимое и недвижимое имущество досталось моему дяде, единственному сыну своих родителей, кроме трёх дочерей.

От того события у меня осталось только чувство растерянности, как тогда, когда у меня с улыбкой уводили мой «Ветерок». А дядька давно уже ездит на своей машине, поменяв после наследства уже четвёртый автомобиль. Благо сейчас нет недостатка в моделях и можно выбрать самую красивую и блестящую машину.

Я с тех пор не люблю ни велосипеды, ни автомобили, ни другую колёсную технику. Боюсь её. Боюсь кого-нибудь задавить, врезаться во что-нибудь и испортить жизнь себе и другим.

